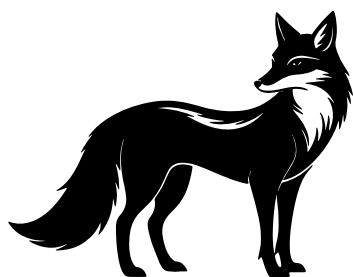

СОФЬЯ
РОЛДУГИНА

ЗАБЕРИ МЕНЯ
ОТСЮДА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

**ЛИСЫ
ГРАФСТВА РЭНДАЛЛ**

Лисы графства Рэндалл

Тимьян и Клевер

Трое для одного

Забери меня отсюда

СОФЬЯ
РОЛДУГИНА

ЗАБЕРИ МЕНЯ
ОТСЮДА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р67

Иллюстрации на переплете и в макете
Anne Svart

Иллюстрации в блоке
Илона Шавлохова

Ролдугина, Софья Валерьевна.

Р67 Забери меня отсюда / Софья Ролдугина. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с.

ISBN 978-5-04-207982-5

У Тины Мэйнард лучшая в мире семья — шесть кошек, прибившихся к порогу. У неё полно друзей — сумасшедшая девчонка по соседству и тысячи книг. Есть и работа мечты — в провинциальной библиотеке, в компании стервы и престарелого ловеласа.

У Тины Мэйнард всё прекрасно.

А когда она устанет убеждать себя в этом, то скажет на мосту над тёмными водами Кёнвальда: «Пожалуйста, кто-нибудь, забери меня отсюда».

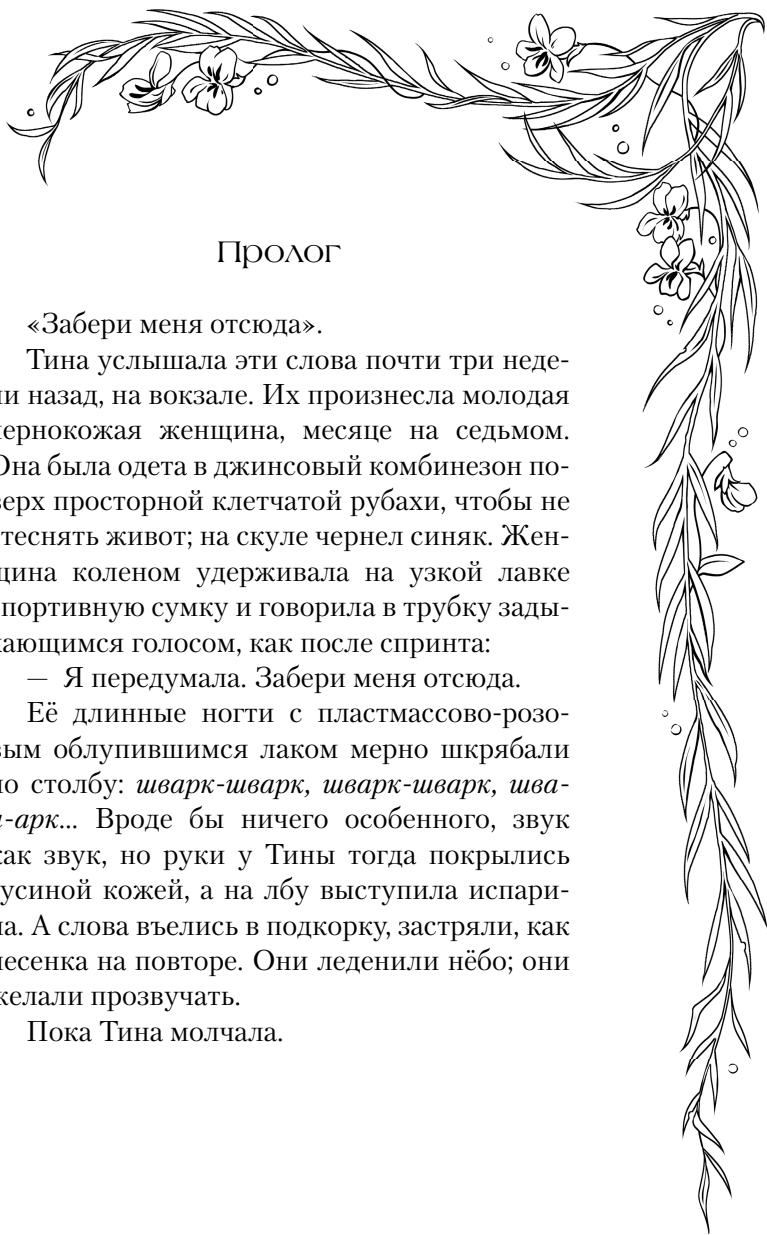
И река услышит.

Река придёт за ней.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207982-5

© Ролдугина С., текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

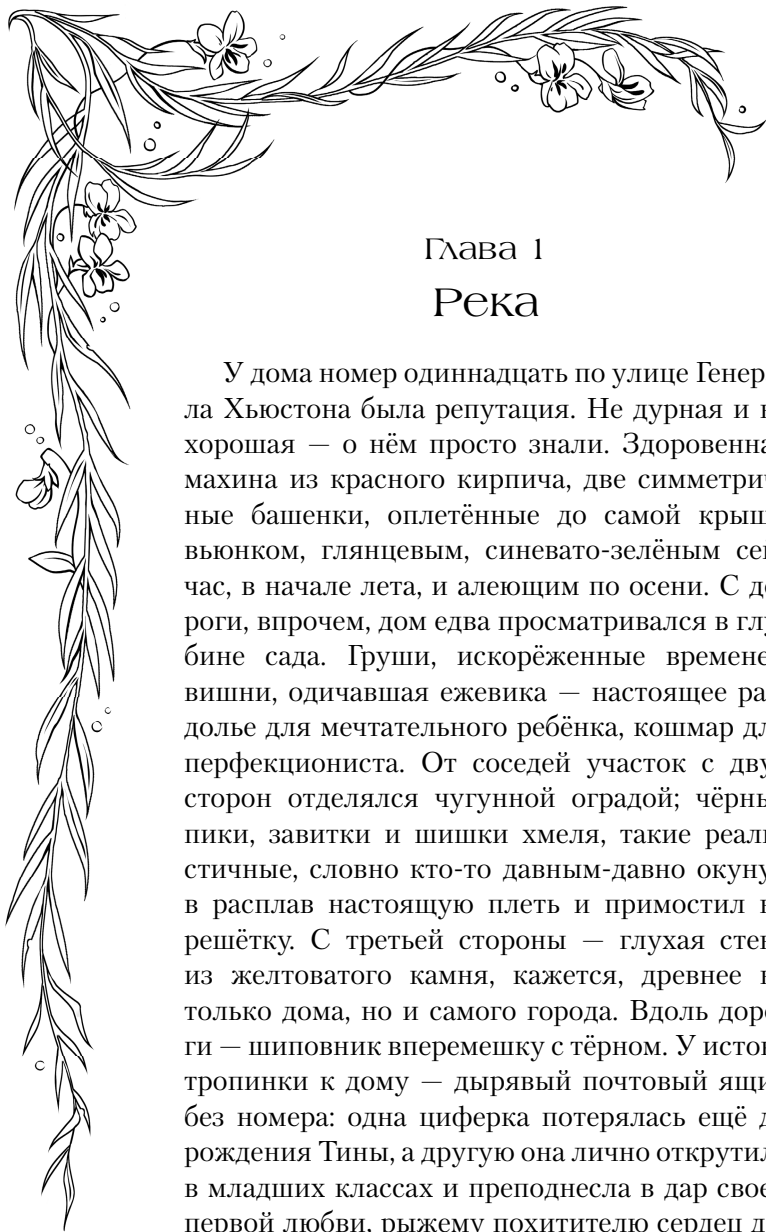
«Забери меня отсюда».

Тина услышала эти слова почти три недели назад, на вокзале. Их произнесла молодая чернокожая женщина, месяце на седьмом. Она была одета в джинсовый комбинезон поверх просторной клетчатой рубашки, чтобы не стеснять живот; на скуле чернел синяк. Женщина коленом удерживала на узкой лавке спортивную сумку и говорила в трубку задыхающимся голосом, как после спринта:

— Я передумала. Забери меня отсюда.

Её длинные ногти с пластмассово-розовым облупившимся лаком мерно шкрябали по столбу: *шварк-шварк, шварк-шварк, шва-а-арк...* Вроде бы ничего особенного, звук как звук, но руки у Тины тогда покрылись гусиной кожей, а на лбу выступила испарина. А слова въелись в подкорку, застряли, как песенка на повторе. Они леденили небо; они желали прозвучать.

Пока Тина молчала.

Глава 1

Река

У дома номер одиннадцать по улице Генерала Хьюстона была репутация. Не дурная и не хорошая — о нём просто знали. Здоровенная машина из красного кирпича, две симметричные башенки, оплетённые до самой крыши вьюнком, глянцевым, синевато-зелёным сейчас, в начале лета, и алеющим по осени. С дороги, впрочем, дом едва просматривался в глубине сада. Груши, искорёженные временем вишни, одичавшая ежевика — настоящее раздолье для мечтательного ребёнка, кошмар для перфекциониста. От соседей участок с двух сторон отделялся чугунной оградой; чёрные пики, завитки и шишки хмеля, такие реалистичные, словно кто-то давным-давно окунул в расплав настоящую плеть и примостил на решётку. С третьей стороны — глухая стена из желтоватого камня, кажется, древнее не только дома, но и самого города. Вдоль дороги — шиповник вперемешку с тёрном. У истока тропинки к дому — дырявый почтовый ящик без номера: одна циферка потерялась ещё до рождения Тины, а другую она лично открутила в младших классах и преподнесла в дар своей первой любви, рыжему похитителю сердец девяти лет от роду. Через год он переехал в другой город, прислал два коротеньких корявых

письма, явно под диктовку кого-то из взрослых, и пропал с горизонта. Судьба бронзовой единицы с тех пор была окутана мраком.

Мальчика Тина, впрочем, почти не помнила: слишком давно всё случилось, больше семнадцати лет назад, ещё до развода родителей, маминого отъезда в Америку и отцовского второго — неудачного — брака. До того, как Тина осталась сперва с дедом, а затем одна, теперь привязанная к дому-с-репутацией навсегда. *Забери меня...*

Тина проснулась прежде, чем темнокожая женщина во сне пробубнила свою отчаянную мантру. В комнате царил зеленоватый аквариумный полумрак; за окном захлёбывались щебетом птицы. Часы показывали без четверти шесть — до звонка будильника оставалось ещё минут сорок, но сон отступил окончательно. Тина сделала глубокий вдох — книги, книги, книги, сырая землистая зелень сада и засахаренный миндаль, привычные запахи, которыми она сама уже пропиталась насквозь, — и свесила ноги с кровати, на ощупь отыскивая старомодные домашние туфли. От холода пальцы поджимались; дедов дом не прогревался даже самым жарким летом, но, надо признать, и зимой никогда не вымерзал.

Четырнадцать комнат на трёх этажах; когда-то ей такой простор казался невиданным счастьем, но теперь только острее заставлял ощущать одиночество.

Кухня располагалась далековато, на первом этаже. Тина двигалась по маршруту, не приходя в сознание. Привычно сделала зарядку-растяжку на лестнице, опираясь на перила, выпустила кошек в осыпанный росой сад, вхолостую пощёлкала клавишами кофемашины, в очередной раз убеждаясь: нет, не заработала, надо купить новую к Самайну, если налоги на недвижимость не сожрут опять все сбережения. Залила мюсли холодным молоком — как раз будут готовы к возвращению, — влезла в растоптанные кроссовки, сдёрнула серую толстовку и выскользнула на пробежку.

Кошки в саду провожали её медовыми, ленивыми взглядами.

Улица Генерала Хьюстона, виляя, спускалась с холма — самая лёгкая часть, когда ноги сами несут вниз. Домики здесь были маленькие, зефирные, аккуратные; они проплывали неясными видениями в утренней прохладе. Песчаные дорожки, гравийные подъездные аллеи, коротко стриженные лужайки — кое-где разбрызгиватели, запрограммированные с вечера, уже крутились, орошая водой и без того сырую траву. Цвели гортензии, розовые и голубые, селекционные, дорогие; из клумб выглядывали пластиковые гномы, зайцы, овечки — на что хватало хозяйского вкуса и кошелька. Царство благородной обыденности, гимн приглаженной аккуратности, где нет места ничему дикому и неправильному... И лишь у самого подножия холма шмыгнул в заросли сирени живой лис — клочковатый, худой, но абсолютно бесстрашный: он подпустил Тину близко-близко, прежде чем насмешливо повёл влажным носом и улизнул по своим лисьим делам.

Здесь Тина свернула направо, на узкую аллею в тени замшелых коренастых лип.

Мимо ухоженного парка Ривер-Флойд; мимо городской школы, в этот час ещё пустой и тихой. Сонная хмарь отступила; каждое движение доставляло радость, и хотелось бежать быстрее, быстрее, пока кроссовки вовсе не перестанут касаться земли. На углу, у пекарни, лёгкость начала исчезать, и навалилась усталость. Тина пожалела, что не захватила из дома плеер — под музыку отвлечься от утомления было проще, но тут из переулка вырулила Уиллоу на разбитом велосипеде — взьерошенная, с готической синевой под глазами, в растяннутой майке и в джинсовых шортах. Ей было семнадцать лет, выглядела она на тринадцать и вела себя зачастую соответственно. Из корзины велосипеда торчала связка газет.

— Ты сегодня рано, — заулыбалась Уиллоу и, вздёрнув руль на себя, переехала через бордюр и покатила ря-

дом с Тиной по тротуару. — Не спалось? Мне тоже. Река снилась, жуть какая-то. Не ходи туда сегодня, ладно?

Тина только махнула рукой в знак приветствия; дыхания на разговоры не хватало. Но Уиллоу и не нуждалась в ответах. Некоторое время она ехала рядом, облокотившись на руль, и болтала — о бессоннице, о вещих кошмарах, о благотворительной ярмарке на следующей неделе и о том, что миссис Кирк увидела крысу в пекарне и собралась покупать ультразвуковую ловушку. Потом девочка замолчала, неожиданно вильнула в сторону, съехала на велосипедную дорожку и прибавила скорости, даже не попрощавшись.

— Я зайду сегодня в библиотеку! — крикнула вдруг Уиллоу через плечо, притормозив перед перекрёстком. — Верну Томаса Уайетта! Приготовь мне Суррея, а? Заберу домой! — и, мотнув косматой головой, свернула налево, на улицу Грин-Энд.

Тине нравилась Уиллоу, колючая, непохожая на остальных и действительно заглядывающая в библиотеку, чтобы почитать, — большая редкость на самом деле. Если бы таких было побольше, этот город лучше бы подходил для жизни...

«Нельзя так думать. — Тина прикусила губу. — У меня всё хорошо. Всё хорошо».

Злость на себя придала сил. Открылось второе дыхание. На мост через Кёнвальд Тина буквально взлетела; больше половины дистанции осталось уже позади. Только обогнуть стадион, вернуться по мосту, пробежать немного вдоль реки — и можно подниматься вверх, уже шагом, постепенно остывая.

Издали потянуло свежим картофельным хлебом — похоже, пекарня Кирков открылась.

Город просыпался. Вода в душе текла чуть тёплая; зимой это раздражало, но сейчас пришлось кстати. Пока волосы подсыхали, Тина накормила кошек, позавтракала сама и даже успела полистать «Легенду» Ленгленда, ма-

шинально отмечая переключку с Беньяном. Затем затре- звонил телефон.

— Я сегодня опоздаю, дорогая, маленький что-то капризничает, — сообщила Аманда с ходу усталым голо- сом. — Откроешь за меня там всё?

— Ну, конечно. Собирайся спокойно.

В трубке послышались гудки.

На памяти Тины Аманда ни разу не приходила вове- рмя: ни до свадьбы, ни после. Но теперь к тому же и отго- ворки не отличались особым разнообразием: «малень- кий» или капризничал, или болел.

По голой ноге мазануло что-то тёплое, лёгкое. Тина вздрогнула, с запозданием осознавая, что это всего лишь кошачий хвост.

— Прости, Королева, — повинилась она, наклоняясь и почёсывая под челюстью матёрую серую зверюгу с рва- ным ухом, увенчанную белым пятном на лбу, как серебря- ной диадемой. — Я бы с вами ещё посидела, но мне пора.

Королева — из всей кошачьей банды единственная на- халка, что сама набилась в питомцы, а не была милостиво подобрана на помойке, — неопределённо мяукнула и раз- валилась на полу в квадрате солнечного света. И не пой- мёшь, то ли обиделась, то ли просто решила подремать.

— Если ты думаешь, что мне хочется идти на работу, ты заблуждаешься, — вздохнула Тина. — Но нам же нуж- но на что-то покупать корм, как считаешь?

Кошка глянула искоса и мявкнула ещё раз более тон- ким голосом, перекатываясь на спину.

— Ну, раз вы меня отпускаете, ваше величество, я, пожалуй, пойду. Присматривайте за нашим родовым замком и не пускайте врагов.

Не то чтобы Тина действительно верила в чудесную силу кошачьей сигнализации, но в дом действительно ни разу не забирались вору. И даже агенты, продающие кос- метику, заходили, кажется, только однажды, в прошлом году, — две смешные, сильно надушенные женщины

с ярко подведёнными глазами, ужасно похожие на Аманду. По пути на работу Тина храбро устояла перед умопомрачительными ароматами, долетающими из пекарни Кирков, уверенно проигнорировала соблазн посидеть в парке на качелях со стаканчиком кофе и задержалась только в одном месте — на мосту через Кёнвальд.

Река была неширокой, всего метров двенадцать, но очень-очень глубокой и холодной. В тени ив-плакальщиц и разлапистых дубов она казалась почти что чёрной и гладкой, как зеркало.

— Нравится глядеть на воду?

Вопрос прозвучал как гром с ясного неба. Тина обернулась — и увидела рядом, под фонарём у моста, благообразного высокого старика в безупречно белой рубашке, в серых брюках и в жилетке точно в тон. Из кармана свисала цепочка от часов, явно золотая, довольно тонкой работы.

— Да, что-то в этом духе... Тут спокойно.

Слова вырвались сами, хотя отвечать Тина не планировала. Но старик отчего-то вызывал безотчётное доверие — то ли в силу своего возраста, то ли из-за неясного сходства со священнослужителем на средневековом портрете.

— Обманчивое спокойствие, — улыбнулся незнакомец и обласкал взглядом реку, от берега до берега; глаза у него были ясные, голубые. — Ледяные родники на дне и сила течения не оставляют шансов никому. Попадёте в водяной плен, соблазнившись прохладой, — и можете прощаться с жизнью.

Тина пожала плечами.

— Купаться в Кёнвальде запрещено, это все знают.

— И всё равно каждый год река забирает несколько жизней, — качнул головой старик, и выражение лица у него сделалось странно злым, вплоть до того, что рассматривать его стало неприятно. — Не горьких пьяниц, заметьте, и не маргиналов, затерявшихся в дурманных грёзах. Чаще всего — молодых женщин. Или девочек. — Он усмехнулся язвительно, словно в его словах было

скрыто оскорбление для кого-то неизвестного. — Иногда мальчиков даже.

В Тине разыгралось чувство противоречия.

— В таком случае у реки хороший вкус, — ответила она с вызовом.

Старик моргнул, удивлённо и как-то беспомощно, как будто никак не ожидал такого ответа. Он улыбнулся снова, на сей раз примирительно и глядя уже только на Тину; пошарил по карманам.

— Ну-ну, не сердитесь, милая леди, — произнёс он и протянул руку. — Может, угоститесь?

На ладони лежал голубой леденец в прозрачной обёртке. Тина уже было потянулась к нему, но потом в голове что-то щёлкнуло; она отдёргнула руку.

— Нет, спасибо. Мне нельзя сладкое, — зачем-то со-
врала она.

— Что ж, бывает, — мирно ответил старик и поднёс пальцы к виску, точно хотел приподнять шляпу, да вовремя спохватился, что никакой шляпы нет. — Хорошего дня.

Так и не ступив на мост, он развернулся и пошёл по дороге в обратную от парка сторону. Тина осталась одна. Она постояла ещё немного, затем огладила на прощание широкие каменные перила моста, прохладные и шершавые.

— Не хочу на работу, — пробормотала она с тоской и обернулась, щурясь на солнце.

Когда-то давно ей казалось, что место младшего библиотекаря — мечта, особенно для замкнутой книжной девочки, которой не на что рассчитывать с одним школьным образованием и парой лет в колледже. Может, если бы это была большая старинная библиотека со множеством редких изданий, что-то изменилось бы...

— Не хочу, — упрямо повторила Тина — и всё-таки спустилась с моста.

В конце концов, кошек правда надо было кормить. А дом — содержать и платить налоги на недвижимость. Вот если бы только перешагнуть через себя и решиться

сдать часть помещений, например один этаж... Но это бы означало, что она поставила крест на том, чтобы заполнить все четырнадцать комнат своей собственной семьёй. А ведь дед помнил те времена, когда Мэйнардам даже такой огромный дом был тесен.

В реке что-то плеснуло.

Тина обернулась — и подавила нервную дрожь. Вспомнилась отчего-то дурацкая болтовня Уиллоу, потом темнокожая женщина на вокзале — кого она ждала, кому звонила?

«Забери меня отсюда...»

По спине пробежали ледяные мурашки, точно кто-то брызнул на блузку водой из реки. Тина рефлекторно ускорила шаг, втягивая голову в плечи и стискивая обеими руками ремень «почтальонской» сумки. Встреча с чудаковатым стариком, странный разговор, пугающее движение в тёмной и будто бы мёртвой воде — всё это казалось дурным знаком.

Впрочем, в знаки Тина не верила — как и в судьбоносные встречи, и в поворотные моменты жизни, и в прочую романтическую чушь.

Разумеется, в библиотеке никого не было.

Аманда традиционно опаздывала «на полчаса» — значит, минимум часа на два. Пирс, судя по приоткрытой двери в реставраторскую, успел наведаться на работу, но затем куда-то смылся, и теперь не стоило ждать его раньше полудня. В солнечных лучах, пробивающихся сквозь жалюзи, парила пыль. Поначалу, года четыре назад, в горле от неё постоянно першило, теперь Тина свыклась, только начала покашливать немного, как и остальные.

— Наверное, это даже вреднее курения, — вздохнула она.

Чайник в подсобке успел вскипеть дважды, когда появились первые посетители. Корнуолл и Фогг, ровесники Тининого деда, ныне покойного, — одни из многих, кто приходил в библиотеку вовсе не за литературой. Они усе-

лись за дальним столом. Фогт достал шахматы из рюкзака и начал расставлять фигуры на доске; раздутые от артрита пальцы слегка дрожали. Корнуолл развернул газету.

Никто из них даже для вида не собирался брать книги.

В десять заявила знакомая компания прогульщиков — трое мальчишек, взъерошенных и смуглых. Каждый из них мог оказаться младшим братом Уиллоу... если б только Тина не знала наверняка, что у Уиллоу нет братьев. Мальчишки выбирали стол за стеллажом с научными журналами, неприлично громко шушукались, ржали, пили недозволенную в храме литературы колу, оставляя липкие пятна на столешнице, крошили чипсы, поливали колой кактус на окне — и иногда, очень редко, всё же брали с полки пару старых выпусков «Неизвестной планеты» или «Чудес космоса».

Заглянул высокий горбоносый мужчина, Тина никак не могла запомнить его имени. Он отвесил пару дежурных комплиментов и завязал долгий бессмысленный разговор, перевирая фамилии писателей и поэтов... Когда появилась Аманда, Тина готова была броситься ей на шею.

— Ещё немного, и я бы уронила на него стеллаж, — призналась она шёпотом, когда навязчивый посетитель наконец ушёл. — Хотя бы за Мэлори, который у него превратился в «Уморли».

Аманда прыснула в кулачок, оставляя на руке отпечаток морковной помады:

— А по-моему, подходящая фамилия для автора «Смерти Артура». Не кисни, Тин-Тин. И я бы на твоём месте не была такой переборчивой. Всё же мужчина ухаживает!

По скромному мнению Тины, под «ухаживаниями» обычно понималось нечто иное, а не визиты раз в несколько месяцев и дурацкие разговоры, однако она благоразумно промолчала. На тему семьи и любви Аманда могла рассуждать часами — особенно теперь, когда в свои тридцать девять наконец обзавелась и вождеденным мужем, и ребёнком.